

УДК 343.1(091) + 343.13 (091)

ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОРОПАНОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления факультета управления, Челябинский институт Уralьской академии государственной службы
vvoropanov@yandex.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ И ЗНАЧЕНИИ РЕВИЗИОННЫХ ФОРМ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье анализируются особенности судебного правоприменения, значение ревизионных форм процесса и практик внутриведомственного надзора в период становления судебной системы России.

Ключевые слова: Российская империя, судебное право, судебный процесс, надзор

Проблемы эволюции судебной системы России находятся в центре внимания комплекса современных общественных наук. Особый интерес исследователей вызывают вопросы, касающиеся смены организационно-правовых форм суда, обеспечения правосудия в разные исторические периоды [69], [70], [73], [74], [75], [76] и др. Дальнейшей проработки с учетом обновления методологических подходов и вовлечения в научный оборот широкого круга историко-юридических источников требуют вопросы эволюции процессуального права [65].

В статье анализируются особенности и значение ревизионных форм процесса, применявшихся в деятельности отечественной судебной системы в период между введением Учреждений о губерниях от 7 ноября 1775 года и Судебных уставов от 20 ноября 1864 года. Ревизия как способ обеспечения правомерности судебных решений осуществлялась при производстве уголовных и гражданских дел и предусматривала прежде всего реализацию полномочий и средств внутриведомственного контроля. Ревизионный судебный контроль закономерно дополнялся оценочной деятельностью исполнительных органов и учреждений. Данное исследование проводилось на основе нормативно-правовых актов абсолютной монархии, содержащихся в Полном собрании и Своде законов Российской империи, а также материалов делопроизводственной документации, извлеченных из фондов ряда государственных архивов.

В ходе губернской реформы, проведенной правительством Екатерины II, на местах была выстроена система типовых судов уездного и губернского уровней. Согласно сословной организации россиян, законодатель ввел три ветви судебных инстанций: уездные и верхние земские суды для дворян и разночинцев, городовые и губернские магистраты для городских сословий, нижние и верхние расправы для сельских сословий. Коллегии нижних инстанций формировались путем сословных выборов. Суды второй

инстанции делились на профилирующие департаменты – уголовных и гражданских дел. Третья инстанция – уголовная и гражданская палаты – являлась общей и венчала местную судебную пирамиду. К 1803 году местное судоустройство было упрощено путем упразднения верхних сословных инстанций и объединения дворянских и сельских заседателей в уездных судах.

В организацию судебной системы входили органы уездной и городской полицейской администрации – нижние земские суды и управы благочиния, наделенные ограниченными судебными функциями, а также обязанностями проведения следственных действий, исполнения судебных распоряжений и решений.

Подготовкой дел для судебного рассмотрения занимались канцелярские работники. Правительство Екатерины II обновило юридический статус руководителей канцелярий – секретарей. Рядом указов кандидатов в секретари предписывалось отбирать без «страстей» и «прихотей» из числа наиболее опытных и неославленных поведением служащих с представлением к утверждению в Сенат. Увольнять и переводить чиновников без уведомления Сената запрещалось [2]. С 1801 года выбор лиц, достойных секретарской должности, проводили члены суда с правом утверждения претендентов губернской администрацией. Кандидаты в секретари судебных палат представлялись министру юстиции [20]. Удаление от исполнения обязанностей до 1812 года осуществлялось по инициативе судей, однако, охраняя порядок делопроизводства и служебное положение секретарей, Сенат повелевал отставлять чиновников исключительно на основании следственных материалов. Указ предусматривал ответственность за несправедливые представления судей губернского руководства, освобождая секретарей от «безмолвного исполнения» распоряжений непосредственного начальства. Приговоры уголовных палат оценивались Сенатом [28].

На основании собранных по делу материалов глава канцелярии составлял докладные записки

со ссылками на законодательные нормы, заключающая их общей формулой: «Сия записка из дела учинена правильно, и узаконения приличные означены все, и больше приличных узаконений не имеется; в чем и подлежу ответственности по законам за всякую неисправность». Секретарь зачитывал в присутствии суда доклад, документы из дела, давал словесные разъяснения судьям. Обязанностью главы канцелярии было напоминать членам коллегии, вступившим в прения, о действующих законоположениях, корректируя обсуждение фактов. Незнакомых с русским правописанием судей секретарь заменял при внесении резолюций в настольный реестр. Законодатель учитывал важность независимости секретаря, несшего равную с судьями ответственность за неправое решение дела после подписания протокола. Предложения секретаря при несогласии членов суда вносились в журнал [54]. Пользоваться правами секретаря иным служащим строго запрещалось [30].

В качестве важнейшей гарантии скорого и нелицеприятного суда Екатерина II рассматривала независимую процедуру осуществления правосудия, постановив: «Судебные же места решат все дела по точной силе и словам закона, несмотря ни на чьи требования или предложения» [8]. В сфере торгово-денежных отношений действовало особое положение о судебном решении дел в точном соответствии с контрактами, «не уважая побочных обстоятельств и не взирая ни на какие персоны», что обеспечивало защиту и развитие системы кредитования, коммерческой, предпринимательской деятельности [1]. Создав условия для правомерного разбора дел, законодатель оградил судящих от внешнего и внутреннего воздействия. Вход в совещательную комнату без приглашения воспрещался лицам любого рода и звания, исключая чиновников прокурорского надзора. Отвод всего состава судей не позволялся [9]. Во время чтения секретарем докладной записки с присутствующими оставался протоколист. Прокурорские чины удалялись с началом подачи судьями мнений. Младшие члены суда, чье положение определялось количеством баллотировочных шаров, высказывались первыми. Прерывать коллег запрещалось. Председатель излагал свою позицию последним. Решение принималось большинством голосов. Протокол подписывали не менее трех членов присутствия. Неграмотные судебные представители пользовались именными печатями. Факт разногласия судей фиксировался и мог быть принят во внимание при дальнейшем производстве дела в вышестоящей инстанции [7].

Составители Свода законов Российской империи напомнили в 1832 году об обязанности каждого судьи выражать мнение по долгу службы «свободно и явственно, по прямому своему разумению и чистой совести, несмотря на лица, и не уважая ни посторонних предложений, ни частных писем, хотя бы они были от первых

особ в государстве, поступая во всем так, чтобы мог ответ в том дать перед Императорским Величеством и перед Самим Богом». Законодательные нормы поддерживали самостоятельность младших членов коллегии, предписывая отклонять поручения, несогласные с их статусом. Судьи, проводившие следствие, отстранялись от суждений по уголовному делу и участия в постановлении приговора [51].

Низкая квалификация, малообразованность и необразованность судебных чиновников и сословных представителей компенсировались установлением ограниченной юрисдикции, необходимостью ревизии делопроизводства, подтверждения законности материалов следствия и судебных определений. Согласно компетенции, зафиксированной в 1775 году, суды первой инстанции сдавали в архивы дела без права апелляции по имущественным искам не свыше 25 рублей, второй – не более 100 рублей. Гражданские палаты оканчивали производство дел по искам на сумму менее 500 рублей [6]. Ревизия гражданских дел, по замыслу законодателя, подразумевала «прилежное рассмотрение, произведено ли дело порядочно и сходственно с законами, сколь для приведения в ясность права оправданной стороны, столь и для опровержения мнимого права противоречущей стороны» [5]. Правовая практика выявляла потребности дополнительной опеки нижних судов: в 1784 и 1799 годах гражданские палаты обязались оценивать постановления об отчуждении любой казенной «принадлежности» – присвоении земель, угодий, переводе людей во владение частных лиц [13].

Рост профессионализации и специализации государственных служащих позволил правительству Николая I повысить компетенцию судов первой инстанции до 30 рублей серебром, второй – до 600 рублей. На более крупные имущественные иски распространялось право апелляционного переноса. Во второй четверти XIX века правоохранительные задачи палат усложнились. Губернские судьи принимали в первом рассмотрении материалы об имениях, раздробленных по уездам, о собственности городских обществ, об авторском праве и др. [53]. Судебное право отражало особенности регионального общественного быта. Так, ревизии Оренбургской палаты гражданского суда, в частности, подлежали дела об отчуждении коллективной собственности служилых калмыков, башкир и мещеряков – коллективных вотчинников [50].

Ревизионный судебный контроль в уголовном производстве проводился «сколь для оправдания невинности, столь и для приведения в ясность преступления или для обличения преступника» [3]. Обязательные оценочные процедуры Екатерина II ввела в уголовных делах, грозивших обвиняемым тяжелыми телесными наказаниями, лишением чести или жизни [4]. Надзор в уголовно-правовой сфере совершенствовался общими и специальными указами, инициированными орга-

нами губернской прокуратуры и администрации. Законодатель обязал суды первой инстанции оценивать правомерность и результаты деятельности следственных органов, принимать протесты обвиняемых. В уголовную палату стали передаваться дела о преступлениях с отсутствием подозреваемых или оправданием подсудимых [11], убытках, нанесенных лесному хозяйству на сумму свыше 20 рублей [48]. Правительство учитывало региональные особенности судебных практик: в Сибири ревизовались дела о правонарушениях беглых, ссыльных и беспаспортных лиц с материальным ущербом более 20 рублей [62].

Таким образом, собранные полицией материалы, способные определять исход дел, не являлись бесспорным основанием для вынесения приговоров. Для проверки свидетельств уездный суд был вправе командировать заседателя в сопровождении стряпчего – прокурорского чина. Судейская коллегия могла усомниться в законности следствия, проведенного командированным членом суда, позаботившись об организации дополнительного сбора сведений без привлечения отработавших следователей [56]. Губернские чиновники проверяли деятельность следственных органов и судей первой инстанции, следили за соблюдением установленных форм делопроизводства, самостоятельно восполняли недостающие материалы и документы. Процесс, изначально осуществлявшийся с нарушениями, аннулировался [26]. Палаты реагировали на жалобы частных лиц, требуя от уездных судей объяснений и прилагая усилия «к охране порядка судопроизводства» [52].

С 1782 года в число действенных мер дисциплинарного воздействия входило право судебных палат взыскивать пени с членов нижестоящих судейских коллегий за «упущения», открытые при апелляционном или ревизионном переносе дела, «по мере оказанного небрежения» [10]. Поддерживая юридическую конкуренцию, правительство обязало уездных чиновников сообщать губернскому начальству об указах палат, противоречащих законодательству [24]. Право взыскания пени с работников полицейской администрации формально принадлежало руководству губернии, удерживавшему губернские суды от превышения власти.

Дополнительные функции надзора исполняли совестные суды, контролировавшие содержание лиц, взятых под стражу, и получавшие сообщения уголовных палат об основании арестов [32]. Наконец, к контролю над постановлением судебных решений по делам, касавшимся прямых фискальных интересов, законодатель привлекал хозяйственно-финансовые учреждения. На заключение палат казенных и государственных имуществ поступали делопроизводства о притязаниях на государственную собственность, незаконном кормчестве, преступлениях должности, совершенных ведомственными чиновниками [29], межевых отношениях [55].

На сферу осуществления правосудия распространялся общий надзор губернского руководства. «В России не будет правосудия, если государь, поручив оное судилищам, не будет смотреть за судьями. У нас не Англия...», – резонно заметил апологет консервативной мысли в 1811 году [71; 102]. Губернская администрация способствовала налаживанию деятельности подведомственных учреждений, тиражируя общие инструкции, разъясняя нормы сословного процессуального права и настаивая на соблюдении правил судопроизводства, тесно взаимодействовала с губернскими судами, налагая пени и привлекая чиновников к ответственности за противоправные поступки с предоставлением уголовным палатам определять размеры денежных штрафов, наконец, обеспечивая исполнение судебных решений [12].

Уголовные дела, оконченные в палатах, совестных и военных судах, решения с заключениями ведомственных органов подлежали утверждению «начальником» губернии. В начале XIX века обязанности контрольного просмотра приговоров и решений были формально разделены между высшим местным руководством (генерал-губернаторами, военными губернаторами) и гражданскими губернаторами [33]. Выделение функций специальной опеки определялось ведомственными интересами. В 1828 году корчменные дела поступили под надзор вице-губернаторов – председателей казенных палат [45]. Особой компетенцией пользовалась отраслевая администрация Уральского горного округа [22].

Вхождение губернского руководства в судебные прерогативы изначально способствовало становлению деятельности органов правосудия. Дела возвращались в присутственные места при обнаружении новых фактов или необходимости исследования. Органы надзора отсрочивали исполнение судебных решений, отправляя производства для ревизии в уголовные палаты или Сенат [15]. Решение уголовной палаты могло быть передано в совестный суд [72; 46, 57]. С постановлениями совестных судов, вызвавшими сомнение, ознакомился министр юстиции [43]. Министру внутренних дел отсылались «мнения» начальника губернии на приговоры к наказанию сектантов, а также новокрещенных за уклонение от православного вероисповедания [58]. Администрация влияла на меру телесного наказания в пользу подсудимых [27]. В ноябре 1826 года монарх подтвердил право губернаторов облегчать участь осужденных и «по уважительным причинам» отменять сентенции военных судов по делам о бунтах, подавленных с применением военной силы, как редких и исключительных [42].

Статистика судебного делопроизводства побуждала правительственные органы делать исключения и изменять указное законодательство. Так, в марте 1800 года оренбургский военный губернатор, нормализуя движение уголовных дел, инициировал передачу дел о правонаруше-

ниях башкир и мещеряков как иррегулярных военнотружущих на «конфирмацию», минуя губернскую инстанцию [59]. В целях снижения нагрузки на уголовные палаты в декабре 1821 года Государственный совет распорядился впредь пересылать оригинальные дела о серьезных происшествиях без подозреваемых лиц «при экстрактах и мнениях» гражданским губернаторам, соблюдая привычный для судов ревизионный порядок. Руководитель обязался передавать дело в уголовную палату «в случае, если найдет производство оно несправильным или неудовлетворительным или если получит от кого-либо по таковому делу жалобу» [36].

Реальное вмешательство администрации в порядок вступления тысяч судебных решений в законную силу было невелико. Осуществление контрольных функций являлось значительной нагрузкой для губернских канцелярий. Регулярные доклады начальнику готовились главой судного стола после предварительной работы с выписками из дел и судебными резолюциями. Так, в 1835 году канцелярия оренбургского губернатора признала законными 1168 постановлений уголовной палаты из 1191, то есть 98,3 %, 20 дел были высланы при мнении губернатора в Сенат. Тогда же были утверждены 777 из 885, или 87,7 %, решений уездных судов, 108 дел направлены на ревизию в уголовную палату. В 1835 году из 2099 производств, принятых на просмотр гражданской администрацией, военному губернатору были переданы 3, в 1836 году – 5 из 1861 [60].

В 1855 году подтверждение получили 815 из 839, или 97 %, приговоров уголовной палаты, 923 из 966, или 95,5 %, – уездных судов и войсковых канцелярий. Из 13 дел совместного суда в Сенат отправили 2. В целом за 1855 год 1753 из 1823, или 96,2 %, постановлений глава администрации признал законными [63]. В 1862 году оренбургский губернатор предложил пересмотреть в Сенате 42 дела и утвердил 461 решение уголовной палаты, а также завершил производство 1 из 7 дел совместного суда [64]. Аналогичным образом в 1850 году томский губернатор согласился с 97,6 % (1293 из 1324) постановлений губернского, окружных, городских, военных судов, адресовав для ревизии и окончательного решения Сенату 6, Государственному совету 23 и Министерству юстиции 2 дела [61].

Высшая судебная инстанция принимала дела в порядке апелляции, разбирала сомнительные случаи в правовой практике и ревизовала отдельные категории дел. Апелляционные прошения в Сенат губернские суды сопровождали датами начала, сроками ревизии делопроизводства и пересылки материалов в губернскую канцелярию [16]. Безусловное право обжалования сохранялось по искам об освобождении от личной зависимости, включая случаи согласия прокуроров с определениями уездных судов. На ставший известным в Санкт-Петербурге отказ крепостному человеку в апелляционном праве прави-

тельство ответило судам и прокурорам предостерегающим указом от 27 ноября 1796 года. Специального узаконения не существовало, заявили сенаторы, но «и быть сего не могло, поелику никого претендующего собственно о себе или его имении права апелляции лишить нельзя» [17]. Жалобы зависимых лиц, поступавшие из губерний, тщательно разбирались в Сенате [39].

Право обжалования приговоров, утвержденных наместником, было упразднено в мае 1784 года в целях сокращения нагрузки на департаменты Сената. Правительство сочло достаточной охрану правосудия посредством прокуроров и генерал-губернаторов. Действие именного указа, нарушенное в 1797 году, Сенат восстановил в мае 1809 года [25]. Признанием целесообразности установленных ограничений стал законопроект 1809 года, грозивший штрафом лицу, подавшему неосновательную жалобу на решение палаты: только во 2-м отделении 5-го департамента с 26 марта по 22 декабря 1808 года не вызвали сомнений 207 из 309 приговоров [23]. Население просило пересмотра как решений, так и частных определений, журнальных резолюций. Сенат издавал разъяснительные указы [19].

В 1823 году подавляющее большинство сенаторов (10 против 4) и членов Государственного совета (11 против 2), учитывая возможности надзора, малограмотность подсудимых и своекорыстные цели апелляционных прошений, одновременно приняли во внимание случаи противозаконных решений уголовных дел. Отклонив отрицательное мнение министра юстиции, правительственные чиновники высказались за возвращение апелляционного права купцам третьей гильдии, мещанам и сельским сословиям, отметив случаи, когда судебные ошибки приводили людей «к разрушению благосостояния и безопасности» [37]. Приговоры подлежали исполнению, однако лица, осужденные невинно, получали надежду на реабилитацию и денежное вознаграждение [41].

Обязательную оценку приговоров к тяжким наказаниям служащих недворянского происхождения и не состоявших в классных чинах, чьи дела о преступлении должности палаты рассматривали в первой инстанции, монарх впервые санкционировал в 1784 году [14]. Вследствие указов 1835–1836 годов обязательная ревизия Сената охватила приговоры к тяжелым наказаниям нетабельных канцелярских служителей, происходивших из духовного, купеческого и мещанского сословий [47]. Высший суд империи не только поддерживал привилегированный статус, но и удостоверялся в нравственном достоинстве дворян и чиновников, освобожденных от обвинений в совершении тяжких преступлений или связанных с правонарушениями своих крепостных людей [34].

Причинами ревизионного контроля служили привлечение к уголовной ответственности групп свыше 9 человек, исключая ссыльнокаторжных

и «неводворенных» ссыльнопоселенцев, изменение приговоров по результатам исследования, заключения казенных палат и мнения губернаторов, противоречившие судебным постановлениям. Сенат определял судьбу лиц, принявших православие после совершения преступления, рассматривал обвинения в распространении вероучений раскольнических сект [35]. Совестные суды дополнительно сообщали в Сенат об осуждении несовершеннолетних подданных к тяжелым наказаниям независимо от резолюций начальника губернии [49].

В царствование Екатерины II Сенат воздерживался от систематического наказания судей и секретарей за выявленные в ходе ревизии нарушения в судебном делопроизводстве, заявив, в частности, по одному из апелляционных дел: «...в чаянии, что каждой из них трудом и ревностию потщится наградить свою неисправность», и предписав, «чтоб впредь они, входя со всякою прилежностью и вниманием в существо дел, суждения свои основывали с законами совершенно» [57]. С 1797 года нарушения, выявленные при производстве дел, и отмена противозаконных решений сообщались во все присутственные места Российской империи [18].

С начала XIX века получила развитие регламентация денежных взысканий за неправомерное решение дел. Прежде всего в ответ на жалобы служащих и сообщения надзорных органов правительство внесло ясность в законоположения о штрафах, действовавшие с 1720–40-х годов и содержавшие неопределенные и архаичные термины. По указу от 29 января 1802 года, за противоправное окончание судебных, вексельных и прочих деловых дел и споров о недвижимой и движимой частной собственности взыскивалось по 5 копеек с каждого рубля от стоимости объекта владения. По вотчинным делам штраф составлял 10 копеек с десятины и 10 рублей с пустоши. Признав судебное постановление противоречившим праву, Сенат подвергал материальному наказанию судей и секретарей участвовавших инстанций. Штраф накладывался на должностных лиц, подписавших заключительный протокол, пропорционально установленным окладам жалования. Купцы и мещане выплачивали штрафы по окладам дворянских заседателей, равных им по классам мест. За неоднократные взыскания судьи могли быть удалены от исполнения обязанностей как непригодные [21].

После 1824 года взыскание связывалось с частью постановления, признанной в вышестоящей инстанции неправомерной. Совершенствуя юридическую систему, Сенат прекратил прием жалоб от чиновников нижних судов о штрафах, налагаемых гражданскими палатами по делам, не переданным в вышнюю инстанцию из-за пропуска апелляционного срока. За возвращение дел для производства суда по форме, дополнения справками и другими сведениями взыскание не допускалось [40]. Дополнительными юридиче-

скими нормами малоимущие судьи привлекались к выплате штрафов по общим правилам о несостоятельных должниках [38].

С началом царствования Николая I штрафы за неправомерное решение имущественных дел, исключая межевые споры, были отменены. Верховная власть признала устаревшими принципы наложения денежных взысканий, введенные в 1715 году. В условиях длительного функционирования уездных судов и судебных палат, совершенствования форм и средств надзора, развития процессуальных правил штрафы оценивались как вносящие дезорганизацию в деятельность судебной системы [44].

Законодатель продолжал регулировать гражданско-правовую ответственность судей, предупреждая постановление неправосудных приговоров. Противоправное подвержение телесному наказанию, выявленное надзорными органами, грозило судьям крупными денежными взысканиями. Так, в 1816 году монарх санкционировал штрафование членов черниговского генерального суда на сумму 900 рублей в пользу трех крепостных крестьян, проходивших в качестве исполнителей преступных замыслов владельца и необоснованно наказанных кнутом [31]. За незаконные приговоры суда к телесным наказаниям, правомочность обжалования которых не была равной для сословий, в феврале 1835 года Николай I установил особые штрафы: «за каждый удар, невинно данный», плетью – 180 рублей ассигнациями, кнутом – 200 рублей [46].

Уложение о наказаниях закрепило общее понятие, а также определило виды умышленного неправосудия (ст. 59, 397, 398, 426, 429–431). В соответствии со статьей 59, виновные возмещали потерпевшим убыток из собственного имущества. Наконец, закон от 21 марта 1851 года (отдел 4, ст. 2–4) предусматривал возврат лиц, осужденных умышленно или по неосмотрительности судей, из ссылки или заключения за счет виновных, выплату приговоренному к уголовному наказанию от 100 до 600 рублей, к исправительному – от 10 до 60 рублей. Судьи освобождались от взысканий в случае расхождения мнений при ревизионном пересмотре дела. Компенсацию также получали лица, чье наказание было необоснованно усилено [66; 64–66].

Итак, развитие судебной системы в России после 1775 года выражалось, в частности, в консолидации прерогатив правосудия и установлении инстанций с различной степенью ответственности за исполнение специальных функций. На чиновников и сословных представителей, составлявших дореформенный судебский «корпус», возлагалась коллективная и персональная ответственность за реализацию законодательства. Правительство создало правовую среду для осуществления должностных полномочий и гарантировало юридическую самостоятельность всех участников судебного процесса, однако отсутствие профессиональной юстиции обусловило ограничение компетенции нижних

судов и развитие ревизионных форм судебного производства дел.

Соблюдение правил правоприменения во время предварительного следствия и судебных разбирательств, законности и обоснованности постановленных решений прежде всего обеспечивали вышестоящие инстанции. Проверка уголовных и гражданских дел в полном объеме проводилась как в порядке обязательной ревизии, так и в случае апелляционных переносов. На этапе становления деятельности сословных судов губернские учреждения активно осуществляли дидактическую функцию, снабжая нижестоящие присутствия комментариями к действующим законам, наставляя в практике судопроизводства, предупреждая типовые правонарушения. Субординация судебных органов предусматривала наложение губернскими судьями дисциплинарных и денежных взысканий на членов нижестоящих коллегий. Умеренность и объективность применения средств дисциплинарного давления достигалась сотрудничеством судебного и общего губернского руководства. Право формальной инициативы уголовного преследования служащих за систематические отступления от узаконенных форм и правил судебного делопроизводства, умышленные преступления должности принадлежало губернскому начальству.

Порядок вступления в силу судебных решений по определенным законом категориям дел предусматривал участие в ревизионном процессе ряда руководящих лиц губернской администрации — начальников, правителей, вице-губернаторов. В тесное взаимодействие судебных и исполнительных структур вовлекались ведомственные учреждения, призванные отслеживать потенциальный ущерб фискальным интересам государства.

Практика обусловила постепенное усложнение юридической регламентации, учитывавшей рост профессионализма судебных чиновников,

специфические обязанности провинциальных судов. В то же время крупные объемы судебного деловой документации и как следствие медленность судопроизводства стали официальной причиной сословных ограничений населения в процессуальных правах. Оправданием дифференцированного подхода правительства к праву апелляции послужили систематический ревизионный судебный контроль, а также деятельность органов прокурорского и административного надзора. В общем порядке Сенат ревизовал уголовные дела, требовавшие высокой квалификации и особой профессиональной ответственности или имевшие политическое значение. Привилегия оценки неисполненных приговоров распространялась на подсудимых из дворян, государственных служащих, купцов первых гильдий.

Ревизионные формы, употреблявшиеся в судопроизводстве дореформенного периода, позволяли правительству абсолютной монархии в целом поддерживать правомерное функционирование институтов судебной системы. Жесткие методы внутриведомственной и административной опеки правосудия, введенные в период оформления абсолютизма и грозившие денежными взысканиями за нарушения в деле и судопроизводстве, были принципиально пересмотрены верховной властью в конце 1820-х годов. Наконец, исторический опыт правоприменения послужил фундаментальным основанием для последовательного внедрения в России прогрессивных принципов организации суда и осуществления правосудия во второй половине XIX века.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Особенности функционирования региональных судебных систем в Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX в.»), проект № 09-03-85301a/У.

ИСТОЧНИКИ

1. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVII. № 12616.
2. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVIII. № 13128, 13613, 14180; Российский государственный архив древних актов. Ф. 286. Оп. 1. Д. 757. Л. 444.
3. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392. Ст. 108.
4. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392. Ст. 110–113; Т. XXI. № 15539.
5. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392. Ст. 116.
6. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392. Ст. 132, 175, 201.
7. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392. Ст. 182–184, 324–326, 368–370; Т. XXXVIII. № 29092.
8. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392. Ст. 409. П. 8.
9. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14829. П. 11.
10. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15439, 15519.
11. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXV. № 18386; Т. XXX. № 23546; Т. XXXVIII. № 29599.
12. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15565; Т. XXXII. № 21804.
13. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 15996; Т. XXV. № 19090; Т. XXX. № 22840.
14. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16022.
15. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16276; Т. XXVII. № 20745; Т. XXXVIII. № 29599.
16. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16397; Т. XXXIII. № 17521.
17. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIV. № 17583; Т. XXXIII. № 25909; II. Т. VII. № 5220; Т. VIII. № 6424.
18. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIV. № 17741; Т. XXX. № 23546; XXXV № 27378; Т. XL. № 30463, 30529, 30599; II. Т. I. № 174, 500, 535, 596.
19. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVI. № 19490.
20. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVI. № 20004; II. Т. XXI. № 20618.

21. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXVIII. № 21554.
22. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIX. № 22208. Ст. 852–854.
23. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. № 23488.
24. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. № 23546.
25. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. № 23660.
26. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXII. № 24966.
27. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXII. № 25195; II. Т. VI. № 4350.
28. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXII. № 25255.
29. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXII. № 25596; II. Т. XI. № 9593.
30. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIII. № 26055.
31. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIII. № 26452.
32. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIV. № 26936.
33. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXV. № 27253; Т. XXXVIII. № 29610.
34. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXV. № 27457; II. Т. I. № 500.
35. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXVII. № 28383; II. Т. VI. 4775.
36. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXVII. № 28852; Т. XXXVIII. № 29599.
37. ПСЗ РИ. Собр. I. XXXVIII. № 29391.
38. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIX. № 29895.
39. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXIX. № 29965; II. Т. I. № 632; Т. III. № 2074.
40. ПСЗ РИ. Собр. I. XXXIX. № 30066; Т. XL. № 30503, 30594; II. Т. II. № 861.
41. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. I. № 566; Т. III. № 2135; Т. IX. № 7444.
42. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. I. № 688.
43. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. II. № 865; Т. VII. № 5505.
44. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 2148.
45. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. III. № 2549.
46. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 7783.
47. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. X. № 8451; Т. XI. № 8952.
48. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XI. № 9593.
49. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XI. № 9817.
50. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIII. № 10281, 11623.
51. СЗ РИ. Т. II. Ч. 1. Ст. 96, 149.
52. СЗ РИ. Т. II. Ч. 1. Ст. 2399.
53. СЗ РИ. Т. II. Ч. 1. Ст. 2431.
54. СЗ РИ. Т. II. Ч. 2. Ст. 136, 144, 167.
55. СЗ РИ. Т. X. Ч. 3. Ст. 1196.
56. СЗ РИ. Т. XV. Кн. 2. Ст. 287.
57. Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 6. Д. 1831. Л. 185–195.
58. Государственный архив Омской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1607. Л. 42 об.; Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. 2. Оп. 2. Д. 26. Л. 126–128 об.
59. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 467 (листы без нумерации); Д. 469. Л. 45–46.
60. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11058. Л. 18–19.
61. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 18. Д. 197. Л. 370 об.–372.
62. Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2147. Л. 294.
63. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 6. Оп. 2. Д. 67. Л. 54.
64. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 6. Оп. 2. Д. 71. Л. 235.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

65. Амплеева Т. Ю. История судоустройства и уголовного судопроизводства в России (IX–XIX вв.). Кн. 2. Императорская Россия. М.: Юридический институт МИИТа, 2008. 196 с.
66. Бойцова Л. В. Ответственность судей по российскому дореволюционному законодательству // Известия высших учебных заведений. Сер. «Правоведение». 1992. № 1. С. 64–68.
67. Борисова Е. А. Общая характеристика гражданского судопроизводства по Своду законов Российской империи // Законодательство. 2004. № 10. С. 79–87; № 11. С. 83–92.
68. Глушаченко С. Б., Пиджаков А. Ю., Виноградов Н. А. Недостатки в судоустройстве и судопроизводстве России накануне судебной реформы 1864 года // История государства и права. 2004. № 4. С. 17–19.
69. Ефремова Н. Н. Судоустройство в России в XVIII – первой половине XIX вв. Историко-правовое исследование. М.: Наука, 1993. 192 с.
70. Ефремова Н. Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX вв. (историко-правовое исследование). М.: РУДН, 2007. 267 с.
71. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 110 с.
72. Кнорринг Н. Н. Очерки по истории Тульского совестного суда в Екатерининское время. Харьков: Адольф Дарре, 1917. 97 с.
73. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. М.: Мысль, 2003.
74. Мигунова Т. Л. Российский суд во второй половине XVIII века. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2001. 271 с.
75. Мигунова Т. Л. «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия...». Административно-судебная реформа Екатерины II. М.: NOTA BENE, 2008. 560 с.
76. Слободянюк И. П. Суд и закон в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). М.: РГТЭУ, 2005. 292 с.